

ГЕОРГИЙ ЗАГОРСКИЙ

КРАСНЫЙ ЛМ

сигаретная трилогия

В ШЕЛГИНСКЕ
НЕТ ЗАКОНОВ.
ЕСТЬ ПРИКАЗЫ.
ЕСТЬ МЕСТЬ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Георгий Загорский

Красный ЛМ

<https://litres.ru/74300803>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 1994 году в Шелгинске не было закона. Были только приказы и месть.

Бывший мент Григорий Ракитин возвращается из тюрьмы, чтобы стать хозяином города. Но за каждым его шагом следят те, кто по-настоящему держит поводок. Для подполковника Фургеса он — расходный материал в войне за власть. Для своей возлюбленной Аделины — объект холодной мести.

Она пришла отомстить за смерть мужа, но сама стала жертвой системы, принудившей её к аборту и лишившей будущего. Теперь она — Немезида, хищница, готовая стравливать бандитов и ментов, принося в жертву любого ради собственного спасения.

В мире, где мать официально объявила тебя мертвым, а любимая женщина ведет к плахе, цена искупления — одна пуля. И пачка в кармане как единственный свидетель финала.

Начало "сигаретной трилогии" о Джафаре
**ВНИМАНИЕ! НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ,
ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ,
ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И**

ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Содержание

Пролог	5
АКТ 1. СЫН ВАНИ Глава 1. Четыре сигареты	21
1.2. Последний куш	33
1.3. Четыре сигареты	37
1.4. Шанс	45
1.5. Пустые глаза	56
1.6. Итальянские туфли из Румынии	64
1.7. Вокзальный беляш	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Георгий Загорский

Красный ЛМ

Пролог

Шелгинск. Апрель 1994 года.

Туман с реки Шелги стелился по рынку «Меркурий» сизым, продымленным одеялом. Он впитывал запахи — кисловатый душок подпорченных овощей, едкую гарь сгоревшего дизеля из автобусного парка и, перебивая все, — густой, манящий аромат баранины с углей из шашлычной дяди Жоры.

Рынок просыпался. Скрипели ржавые ставки, с матом разгружались машины, повсюду перекрикивались магнитофоны, с натугой кашляли и запускались генераторы. Золотая лихорадка девяностых начинала новый день.

Аделина Маратовна Галимзянова, для своих — просто Аделька, протирала витрину с дешёвой косметикой. Польские духи «Быть может» и "Пани Валевска", помады, подводки, тени, тональные кремы — весь этот парад пластика и стекла она раскладывала вслепую, на автомате. Руки работали. Глаза — жили отдельно, скользили по рядам, считывая, кто с кем, кто как дышит.

«Союзпечать» — платит исправно, Диклофоса боится до

дрожи в коленках. “Ташкент” — фрукты, опять в долг взял, сегодня к вечеру у них разговор будет. Пара патрульных у входа обсуждают, как “Спартак” вчера слил, к ним уже подъехала белая “шестёрка” — посланец Тамахина за пайком. Ничего нового. В этом болоте даже мухи по часам гадят».

Мысли сбились, когда у ларька остановилась молодая женщина с коляской.

— Девушка, посоветуйте дезодорант мужу... — неуверенно произнесла она.

Аделина натянула дежурную улыбку, взяла с полки «Fa», что подороже. Объясняла разницу между запахами, кивала, улыбалась. А взгляд то и дело возвращался к коляске. Пухлые щёчки, любопытные глазки. Обтянутые колготками ножки, брыкающиеся в такт музыки из магнитофона.

Где-то под грудной клеткой, под маской «успешной Челночницы», шевельнулось что-то острое, горячее и чёрное. Она дернулась, резко отвернулась к полке, делая вид, что поправляет витрину.

«Где-то так же сопит сейчас внук Серёгина. Два года. Ему два. Моему... четыре было тогда...»

Она не договорила даже внутри себя. Просто сильнее потерла стекло, пока до блеска не стерла собственное отражение.

Первый раз Василия она заметила недели три назад.

Тогда всё началось непринужденно.

Новенький ярко-красный ларёк, вылизанный до блеска, с

самодельной вывеской «Элитная бытовая техника из Европы». Хозяин — высокий, крепкий, с короткой стрижкой, в пиджаке «под бизнесмена», золотая цепь поверх водолазки. Он сам разгружал с ЗИЛа коробки с видеомагнитофонами и микроволновками, не забывая кидать взгляды по сторонам.

Аделина тогда ещё подумала: «Дурень. Так открыто светить товаром — это как голой жопой к забору. Долго не проживёт».

На третий день к нему подошли Диклофос и Михундей. Она всё видела.

Две девятки «Жигулей» вкатилась во двор рынка, разбрызгивая мартовскую снежную грязь. Из первой вышел низкорослый, щеголеватый, в куртке-пилоте и туфлях с тупыми носами, с крысиными глазками — Диклофос. Из второй — широкоплечий шкаф в кислотном спортивном костюме и грубой кожанке — Михундей.

Они обходили ряды, словно акулы медленный косяк сельёдки. Смеялись, хлопали по плечу, брали «на пробу» колбасу, сигареты, семечки. Деньги текли к ним, как ручьи к реке.

У красного ларька притормозили.

— О, новичок! — Диклофос расплылся в улыбке. — Здорово. Меня Димон зовут, это Мишган. Живём тут, так сказать, по соседству.

— Василий, — буркнул тот, не прекращая таскать коробки. — Ну, живите, мне-то что?

Тогда разговором и обошлось. Диклофос по-дружески по-

интересовался торговлей, «намекнул» на крышу. Вася, ещё не поняв, куда влез, в ответ ляпнул:

— Да у меня свои ребята, охрана. Разберёмся.

На соседних рядах тогда повисла тишина. Все делали вид, что не слышат, но каждый запомнил: этот парень либо очень смелый, либо очень тупой.

Диклофос не стал давить. Улыбнулся, сказал: «Подумай до завтра», хлопнул по плечу. Ушёл.

Это «завтра» затянулось на три недели.

Васю откровенно жалели только две категории: те, кто сам когда-то пытался бодаться, и те, кто просто не любил Диклофоса. Остальные смотрели, как на мишень в тире. Кто-то шепнул, что у Василия за спиной «какие-то менты», кто-то — что он племянник чиновника из области.

Диклофос с Михундеем поначалу будто проморгали.

Каждый обход — мимо, с показным равнодушием.

Аделина знала: если акулы пока не кусают — это не милость, это интерес. Жертву откармливают.

И вот сегодня утром всё сдвинулось.

Девятые жигули въехали на рынок, как обычно. Разбрызгали грязь, заорали моторами. Рынок чуть притих, приготовился к ритуалу.

Аделина автоматически отметила: «Диклофос свежий, не с похмела. Михундей в новом спортивном костюме. Значит, сегодня кому-то точно не повезёт».

Они шли по ряду, раздавая хлопки, шуточки, «как жизнь,

братан», мандарины в карман. Сбор дани напоминал странный парад: все знали сценарий, но каждый раз надеялись на импровизацию.

У красного ларька Аделина невольно задержала взгляд.

Василий, нахмурившись, что-то записывал в тетрадку, пересчитывая коробки. Лицо у него было усталое, но по-прежнему упрямое.

Диклофос к нему сегодня даже не подошёл.

Двое крепких парней в кожанках появились как будто из ниоткуда. Не из девяток — со стороны автопарка, через задний проход, где мусорка и сараи.

Они встали по обе стороны прилавка.

— Слышь, — спокойно сказал один. — Пойдём, побазарим.

Без криков, без демонстраций. Просто взяли под локти и повели прочь, мимо соседних рядов.

Никто не смотрел им вслед. Но Аделина краем глаза отметила: с десятков голов синхронно чуть опустились.

И тут же в памяти всплыло, как это начиналось три недели назад:

улыбка Диклофоса, фраза про «свои ребята», моргающий Василий, который не понял, что ему показали красную карточку.

Сейчас — его просто вынули из кадра.

Меньше чем через пять минут у красного ларька остановился голубой «Газон» с будкой. Дверцы хлопнули, вывали-

лись ребята — молча, без суеты.

Аделина, делая вид, что поправляет флакончики на витрине, смотрела, не моргая.

Лузган даже не удостоил ларёк взглядом. Шёл чуть в стороне, что-то весело рассказывая своему ближайшему про то, как «В Дубоссарах верхом на корове катался». Ржал, коверкал слова.

Парни тем временем открывали, ломали, выдёргивали панели, слаженно грузили всё это в кузов. Стекло, панели, железо — красная коробка разбиралась до костей.

Через полчаса от «элитной техники» не осталось и следа. Грязь, следы от ботинок да скомканная газета у колеса.

Ближе к полудню на том же месте уже стоял скромный прилавок с пуховыми платками и вязанными носками. За ним — пожилая женщина в платке. Она держала руки перед собой, как на молитве, и каждый раз, когда мимо проходил Лузган, судорожно кивала.

— Не трус, бабуль, — погладил он её по переднику, нарочито гнусая. — Наши не обидают. Плати, главное. И все.

Рынок вздохнул — и пошёл дальше.

Никто не спросил, где Василий.

Беспредела не было.

Был порядок. Жёсткий, понятный, записанный не в законах, а в мышечной памяти.

Аделина холодно отметила про себя:

«Три недели ему дали. По местным меркам — невидимая

гуманность. Значит, сверху позволили поиграть. А сегодня просто закрыли вопрос».

Воздух в маленькой задней комнатке шашлычной у дяди Жоры был густой, как накуренный вагон. Маринованный лук, горелый жир, уголь, лаваш, дорогой коньяк, сигареты в пепельнице.

Карим сидел за квадратным столом, медленно разламывал горячую лепёшку, макал в аджику, не спеша жевал.

Напротив Виталик-хохол вертел в пальцах папиросу, к еде почти не прикасался. Перед ним потел стакан «Арарата».

— Зима, наконец, отвалила, — пробурчал Карим, вытирая пальцы белой, когда-то, салфеткой. — Задрали эти морозы... Старость... кости ныли.

— Не старость, Карим Мухамедович, — хохол выдавил окурок в гильзовую пепельницу. — Бездействие. От этого всё гниёт. И кости, и люди.

Карим поднял на него тяжёлый, спокойный взгляд. Он не спорил. Он слышал под фразой другое: «пора решать, кто тут хозяин».

— Организация сейчас как корабль без капитана, — продолжал Виталик, наливая себе. — Дядя Ваня на Кипре жопу греет. Нас тут бросил. Кто-то должен штурвал взять. А то или армяне всё растащат, или свои перегрызутся.

— Корабль плывёт, — равнодушно пожал плечами Карим. — Рынок работает, маршруты крутятся, офисы аренду

платят. Деньги идут. Чего ещё надо?

— Порядка, — скривился Виталик. — Твоего порядка, если уж на то пошло. А не этого балагана. Диклофос с Михундеем сегодня новичка выщелкнули — красиво, спору нет. Но вдруг он в ментовку побежит? Паша опять бухой дизелит, шум на всю Рабочку стоял на днях. Ты на сходняк в Москву собрался, а один из твоих бригадиров беспределит по клубам. Это ты называешь «плывёт»? А с банкиром тем? Так ничего и не вытянули мы из него, только запытали просто так...

Пауза повисла тяжёлой дымной тряпкой. За вежливыми словами двух уважаемых людей чётко проступали звериные морды. Оба знали, кто чего стоит.

Карим — рецидивист, отмотавший не одну ходку, для которого убить — это как мешок муки на плечи закинуть: тяжело, но привычно. Главное — отряхнуться вовремя, чтобы домой грязным не идти.

Виталик — бывший стройбатовский командир, теневой хозяйственник, который при Союзе ногой открывал двери райкома. Его жестокость была не горячеей — канцелярской, по пунктам.

— Я предлагаю простой, рабочий вариант, — Виталик наклонился вперёд, понизил голос. — Ты остаёшься при своём. Рынок — твой, автобаза — твоя, люди — твои. Уважение — твоё. Только без геморроя. Менты, армяне, завод, мэрия — моя проблема. Я под это заточен. Бумажки, кабинеты —

не твоя стихия.

Карим молчал. Снаружи казался ленивым, почти сонным. Внутри прикидывал: если сейчас кивнуть — сколько ему осталось. Полгода? Год?

Такого «первого зама» любой новый пахан рано или поздно пустит в расход.

И если подчинённый сам лезет «решать всё за всех» — это не предложение, это пробный укус за глотку.

Он вдруг усмехнулся. Тихо, по-стариковски. И тут же поймал в себе картинку — как всплывают пузыри из глубины.

Аэропорт.

Запах кофе и дешёвой парфюмерии.

Дядя Ваня на костылях. Лицо жёлтое, вялое после инсульта, но глаза ещё цепкие. Рядом — молодая грудастая медсестра, суесящаяся как наседка над яйцом.

— Ну что, Ваня, на пенсию, наконец? — тогда спросил Карим, придерживая его под локоть у стойки регистрации.

— На пенсию... — усмехнулся тот, перекатываясь с одной костыли на другую. — На кладбище я лечу, брат. Кипр — это не пенсия. Это санаторий перед моргом.

Медсестра отвлеклась к чемоданам, кто-то из пограничников застрял с документами. Они остались на минуту вдвоём.

— Слушай сюда, Карим, — дядя Ваня вдруг стал серьёз-

ным. — Я тебя как мужика прошу. По-честному. У меня... пацан есть. Сын. Гриша. Двадцать с чем-то сейчас ему... Наверное. Я его в последний раз видел... да чёрт его помнит, в семьдесят каком-то. Баба у меня в Москве была, я ей... Разведчиком представился. Любовь была... Как прознала, кто я - на порог пускать перестала... Я писал, звонил - тишина... Я побился в закрытую дверь немного, да и перестал — дурак был, работал, «дело делал»...

Он криво усмехнулся, кашлянул. В голосе застряла та самая, стариковская, сухая грусть — без соплей, но с пониманием, что поезд ушёл.

— Короче. Я его не найду уже. Ноги не те, да и жизнь не та. А ты... у тебя народу много, связей до Москвы, до органов, до кого хочешь. Если будет у тебя когда-нибудь время и возможность — глянь, найдётся ли где-то по свету Григорий Иванович Ракитин. Она под своей фамилией растила его, меня даже в свидетельство о рождении не вписала... Скажешь, что старый дурак его помнил. Хоть иногда. И что... видеть его я уже, наверное, не увижу.

Карим тогда отмахнулся:

— Да ну тебя, Ваня. Сам ещё приедешь, ещё будешь тут мной управлять, не каркай раньше времени.

Но фамилию — запомнил.

И вот сейчас, глядя на Хохла, вдруг ясно понял: просьба старика — не просто сантимент. Это ход.

«Сын. Чужой, свой — неважно. Главное — кровь Вани. Имя. Легенда. И ноль связей здесь. Чистый лист. Из такого можно сделать кого угодно. И громоотвод, и флаг, и наживку для ментов».

Он вернулся из аэропорта в прокуренную комнату шашлычной. Та же баранина, тот же коньяк, тот же Хохол, бьющий окурки в гильзу.

— Ты знаешь, Виталик, — неожиданно мягко сказал Карим, — ты в одном прав. Штурман нужен. Молодой. Злой. Чтоб дело любил, а не только деньги. Чтобы на него все смотрели. И менты, и армяне, и эти твои директора. А мы — как ты и говоришь — в тени. При своём.

Виталик чуть сузил глаза.

— Молодой? — фыркнул он. — Паша-фартовый? Диклофос? Они дети. Им бы на дискотеке девок лапать, а не с Тамахиным торговаться.

— Не ищ наших, — отмахнулся Карим. — Есть один... не местный. Чистый. Но — с кровью подходящей.

Виталик напрягся.

— Это как понимать, «с кровью»?

Карим только усмехнулся и не ответил.

В этот момент дверь скрипнула, и в проёме возник Бакинский — невысокий, жилистый, с вечной масляной улыбкой, в чистой рубашке. В руках он держал свою рыжую кожаную куртку.

— Шеф, — чуть кавказским напевом проговорил он, —

машина готова. «Мерса» помыл, резина — огонь. В Москву — как на свадьбу. Сходняк к пяти, как вы говорили.

Карим поднялся, отодвинул стул.

— Ну, значит, поехали. А то ещё без нас всё решат, — он похлопал Виталика по плечу, как добрый дядя племянника. — Сиди, братан, отдыхай. Ты мне тут нужен. Я вернусь — поговорим. И про корабль, и про штурманов.

Он ушёл вслед за Бакинским, оставив терпкий дым, недопитый коньяк, недоеденный шашлык, и Виталика, который вдруг почувствовал себя человеком, проигравшим важную партию, даже не поняв, в какой момент.

Аделина закрыла витрину в половине шестого.

Сняла сумму из ящика, пересчитала быстро, привычно. День был средний. Ничего особенного.

Она накинула куртку, выключила свет, опустила жалюзи.

Вышла с рынка просто, без театра. Как женщина, которая отработала своё и идёт домой.

Дошла до остановки, села в «тройку», единственную трамвайную линию, которую мэрия все грозит закрыть в связи с низким пассажиропотоком.

В окне стекло было исчеркано, облеплено афишами. Апрельский дождь оставил на нём мутные дорожки, по которым стекала какая-то чужая жизнь.

На проспекте Красной Армии она вышла, перешла сквер с облезлым танком на постаменте, дошла до автовокзала. Там

уже фыркал «Пазик» на Заречный.

Она села, прошла в середину салона, опустилась на сиденье у окна. План маршрута в голове щёлкал автоматически: «Меркурий — трамвай — “Пазик” — “Родина”».

В «Зарике» она вышла у кинотеатра. Афиша МММ болталась лохмотьями, словно чужой флаг на проигранной войне.

Чуть поодаль, у подъезда девятиэтажки, стояла серая ГАЗ-24.

Чуть помятая, с ржавчиной на порогах, с облезлой краской. Идеальный фон. Машину такого цвета и состояния глаз не отмечает, память не держит.

Аделина подошла, не оглядываясь. Открыла заднюю дверь, села.

В салоне пахло сигаретами, пылью, старым бензином. На панели — тряпичная собачка с покачивающей головой.

За рулём — невысокий мужчина в помятом пиджаке поверх свитера, с обычным усталым лицом, как у любого учителя труда или завхоза школы.

— Здравствуйте, Александр Палыч, — тихо сказала она, глядя вперёд.

— Здравствуй, Катя, — полковник Серёгин чуть кивнул, завёл двигатель. — Ну, рассказывай. Как день? Что видно с твоей колокольни?

«Катя» откликнулась давно привычно. Настоящее имя растворилось где-то между больничной палатой и этим дво-

ром, не смея проникнуть в жизнь Аделины Галимзяновой.

— Как обычно, — сухо ответила она. — Обход. Диклофос с Михундеем. Ряд прошли, конверты собрали. Сарвару из “Ташкента” опять в долг дали, завтра усердно его трясти будут. Новичка убрали.

— Убрали — как? — Серёгин оторвал взгляд от дороги на секунду.

— По-тихому. Двое в кожанках вывели с рынка. Через задний проход. Минут через десять подъехал Лузган. Ларёк разобрали, место отдали бабке с платками.

Она рассказывала, как диктовала бы в рапорт: без лишних эмоций, просто факты. Но каждую мелочь — кто откуда вышел, кто кому кивнул, как держал сигарету.

— По крупному что-нибудь шевелится? — спросил он, сворачивая в тихий переулок и чуть притормаживая. — Про того банкира... из «Ю-трейда». Того, что пропал.

— Шепчутся, — пожала она плечами. — На рынке говорят: Виталик. Мол, Лысый со своей бригадой работали. Но это всё... — она чуть скривила губы, — пересуды. Никто своими глазами не видел.

— А пересуды — это и есть наше золото, — хмыкнул Серёгин. — Мы потом проверяем, что в них чистое, а что шлак. Он заглушил мотор, оставив машину в тени домов.

— А наверху у них как? — тихо спросил. — Между Каримом и Хохлом. Чувствуется, что там не всё гладко?

Аделина опустила взгляд на свои руки. Пальцы сжали ре-

мешок сумочки.

— Чувствуется. По рынку говорят... — она чуть замялась, подбирая слова, — что после того, как Иван улетел, у Карима с Виталиком... недосказанности. Вроде бы как Карим нашёл какого-то «наследника». Только никто точно не понимает, чьего. То ли своего, то ли Ваниного. Одни говорят, что парень вообще не местный. Другие — что какой-то лагерный авторитет. Но пока это всё сплетни. Лиц никто не видел. Фамилий не слышали.

Серёгин смотрел на неё в пол-профиль. Понравилось, что она не полезла дальше, не стала додумывать за границами реально услышанного.

— Наследника, значит... — протянул он. — Интересно. Если Карим ставит куклу — значит, сам хочет за шторкой стоять. Тихая война — хуже открытой. Когда волки глотки грызут — хоть видно, кто за кем. А когда за спиной шепчутся... — он покачал головой. — Там, Катя, тебе осторожнее надо. Если всплывёт этот «наследник» — входи в доверие. Смотри, кто он. Чей он. Чего боится.

— Поняла, — кивнула она. Голос оставался ровным. Только в глазах промелькнул тот самый холодный огонёк, который появлялся, когда на рынке кто-то говорил слово «Маратовна». Его здесь не произносили.

Она потянулась к ручке двери.

— Катя, — Серёгин чуть коснулся её локтя. Жест был почти отеческим. — Помни. Месть — плохой советчик. Нам не

труппы нужны. Нам нужен приговор. Схема. Фамилии, связи, деньги. Понимаешь?

— Я помню, товарищ полковник, — тихо сказала она, мягко высвобождая руку. — Я свою роль знаю. А вот они — ещё нет.

Она вышла, не хлопая дверью. Серёгин завёл двигатель, и серая «Волга» плавно выехала из двора, растворяясь в вечерних сумерках.

Аделина постояла несколько секунд, вдыхая прохладный воздух. Где-то вдалеке кричали дети, лаяла собака, рядом гудел старый трансформатор.

Она поправила сумку на плече и пошла к остановке.

Обычная женщина, возвращающаяся с работы.

С лицом, на котором ничего лишнего не прочитаешь.

И с аккуратно спрятанной внутри пустотой, в которую, как в чёрную дыру, всё время падала одна и та же мысль:

«Это только начало. Остальное — впереди».

АКТ 1. СЫН ВАНИ Глава

1. Четыре сигареты

1.1. Коллеги

Григорий очень плохо спал эту ночь. Сон не шёл. Он не просто не шёл — он словно мстил, насылая в темноту липкие, удушливые мысли. Григорий ворочался на скрипучей тахте, слушая, как за тонкой фанерной перегородкой храпит сосед-алкоголик. Да и сам он, положив руку на сердце, трезвенником не был совсем - сегодня, как и всегда, снова нажрался после работы в гараже, закусывая “Пшеничную” немудреной снедью - варёными яйцами и хлебом, обильно намазанным маргарином “Рама”, кто-то из “коллег” принес ещё из дома соевых котлет, но те разлетелись по голодным ртам уже после второй рюмки. “Кто-то из коллег”.

Коллеги. Какое громкое, далёкое, почти чужое слово. Оно пахнет начищенными сапогами и чаем в дежурке, стаканом водки за новые лычки и оружейной смазкой, салоном патрульного “бобика” и мокрой шинелью.

А здесь?

Эти забулдыги-водилы с багровыми от гипертонии рожками, замордованные жизнью и вечными упрёками жён; эти бичи-грузчики, чья жизнь пульсирует от аванса до получки в ритме «выпил — упал — встал», — вот теперь твои коллеги,

Григорий Иванович. Радуйся.

“Об этом ты мечтал, когда мать плакала от гордости, глядя на твою присягу?” — ехидно шептал внутренний голос.

Хотя в наше время, а уж в твоём-то положении, и такая работа — счастье, сродни выигрышу в лотерею. Иные, вон, инженеры да кандидаты наук, на заводах горбчатся за “спасибо” или за бартер — мешок муки раз в полгода. Денег не видят месяцами. Да и к тому же, дружище, ты забыл, КТО ты теперь? Сними корону, она заржавела. Бывший сержант милиции Ракитин сдох. А нынче ты — откинувшийся зэк. Волчий билет. Клеймо. Однокашники твои, небось, уже не раз к наградам представлены, звёздочки на погоны ловят, а ты... позорище.

Слава богу, хоть после освобождения не возникло проблем с документами, а то до сих пор бегал бы со справкой об освобождении серии ЖГ. С такой «ксивой» не то что грузчиком — дворником побрезгуют взять. Повезло. С новым паспортом помог капитан-зампотыл, у которого родственник служил в Паспортно-визовой службе. Да и с отбыванием срока повезло - не каждому позволят остаться досиживать срок в следственном изоляторе, будь хоть трижды бывший мент. Вся их “хата” для бывших сотрудников уехала в Нижний Тагил, а его назначили в “хозбанду”.

Завгар автобазы сам оказался из сидевших. Взглянул водянистыми глазами, понял, что к чему. Дал три месяца испытательного срока, сплюнул под ноги и честно предупре-

дил: «Косяк — и вылетишь. Держаться за тебя не буду. Таких как ты за забором — очередь до МКАДа».

Дела, конечно, не так плохи, какими могут быть, но и до «хорошо» им как до Луны пешком. Вспомнились вдруг слова матери, отчего на душе, и без того выжженной, стало совсем черно:

«Эх, мама! Дорогая, любимая! Сколько лет мы не виделись... Ты даже на суде не была. Не то что на свиданку приехать — письма не черкнула. Почему, мама? Неужели забыла, как носила под сердцем? Или мнение соседок на лавочке, что “мента в тюрьму посадили”, важнее собственного ребёнка?»

С этими тяжёлыми, как бетонные глыбы, мыслями Гриша наконец провалился в короткий, тревожный сон, едва рассветные лучи, серые и пыльные, забрезжили через дырявую занавеску.

Проснулся он рывком, от дикого, визгливого крика за стенкой, он был настолько резок, что трудно было даже предположить, из чьей глотки он вырвался- из мужской или женской. В груди колотилось так, словно он снова бежал маршбросок.

Первый взгляд — на запястье. Часы-подделка Casio, щедро отданные ему хозяином ларька за быструю разгрузку. Экран мёртв. Сдохла батарейка. Будильник не сработал.

Бедность и уныние не просто окружали его. Они сжимали горло, обволакивали, пропитывали насквозь, как тяжёлая

мокрая печать казённую бумагу. Запах дешёвой пищи, грязной одежды и сырости вьелся в кожу.

За стеной сосед-алкаш и его жена, такая же синяя пьянь, с утра пораньше закатили скандал. Звенела посуда, слышались глухие удары.

«Надо бы успокоить... Развести по углам... Утихомирить...» — мелькнула привычная, профессиональная мысль.

И тут же он осёкся, будто ударившись лбом о стену.

«Ты БОЛЬШЕ не мент, Гриша! Окстись. Сунешься туда — успокоят самого. Шилом в бочину. И ещё тебя крайним сделают».

Нехотя натягивая вытянутые на коленях треники и ежась от холода — батарея в его комнате была чуть теплее трупa, чисто для декорации, — Гриша вышел в коридор коммуналки, чтобы узнать время у настенных часов.

И тут же, нос к носу, столкнулся с хозяйкой, тётёй Надей. Грузная женщина в засаленном халате перегородила проход, как баррикада.

— Слышь, сиделец! — её голос резанул слух. — Ты деньги принёс? Вчерась ты синий домой припёрся, сказывал, зарплата у тебя скоро! Я бесплатно жить не дам, ишь тварь! Привык к халяве на нарах, там тебя государство кормило, а тут платить надо!

Скандал нарастал мгновенно, как снежный ком, летящий с горы. Гриша, не дурак, но и за словом в карман уже не лезший, тут же ответил, припоминая и обещанный, но не по-

лученный телевизор, и ледяную батарею, и вечно пропадающую горячую воду.

Хозяйка вспыхнула пуще прежнего, особенно когда он в пылу ссоры назвал её «бабой Надей». Глаза её налились кровью:

— Ах ты зэчара поганый, уголовная рожа! Сегодня денег не будет — с участковым будешь общаться! Он давно с тобой познакомиться желает, всё выпрашивает, кто такой живёт, да я, дура старая, отговаривала! А теперь всё! Сдам!

Угроза была реальной. Голодный, злой, невыспавшийся, Гриша наконец глянул на часы соседей — без двадцати одиннадцать!

Он похолодел. Опоздание было не просто серьезным - оно было катастрофическим. В гараже нужно было быть к восьми утра.

Гриша рванул на работу, одеваясь на ходу, и буквально скатываясь по лестнице. Выскочил из подъезда, не глядя по сторонам, и... с размаху налетел на человека в форме, чуть не снеся того с ног.

Фуражка слетела с головы милиционера и шлёпнулась на грязный весенний асфальт.

Григорий замер. Старый рефлекс сработал быстрее мозга. Он бросился поднимать фуражку, отряхнул её от пыли, машинально выправив кокарду, и, отдав ее хозяину, уже собрался было бежать дальше, бормоча извинения. Но тяжёлая рука вцепилась ему в рукав куртки.

— Постой, шустрый. Куда летишь? Погоди.

Гриша поднял глаза. Перед ним стоял старший лейтенант милиции — тот самый участковый, о котором только что говорила тетя Надя. Помятое лицо, синие прожилки на красном носу, и запах... Густой, удушающий шлейф алкогольно-лукового перегара ударил в нос. Сразу вспомнились každодневные посиделки в патрульном УАЗике, традиционное окончание смены - пузырь на троих и немудрая закуска.

— Ты из какой квартиры? Из 26-й? — участковый прищурился, не отпуская рукав. — Документики показывай.

— Гражданин начальник, я на работу спешу... Правда... — Гриша попытался вырваться мягко, но хватка была железная.

Мент уже зацепился. Жертва есть, значит, будет и охота. Он деловито выудил паспорт, нашёл под обложкой водительские права и техпаспорт на рабочую машину.

— Та-а-ак... ЗИЛ-130... — протянул участковый, разглядывая удостоверение. — Грузовой, значит. Это хорошо. Слушай, мне тут как-нибудь понадобится машина... на дачу там, то-сё...

Он долистал до штампа о прописке, увидел все: проживание не по адресу регистрации, когда и где числился, и самое главное, и самое страшное - штамп от августа 1993 года "Снят с учета по адресу Новослободская, д. 45". Старлей поднял мутные глаза на Гришу:

— Жалобы, замечания есть?

— Не-а... — буркнул Гриша.

— Отсутствие жалоб не освобождает от ответственности!

— участковый сцепил пальцы в знакомом, до боли знакомом жесте потирания купюр.

— Денег нет, гражданин начальник. Честно. Зарплату задерживают, штрафуют за опоздания... — Гриша картинно, с отчаянием посмотрел на пустую руку, где должны были быть часы.

Участковый сразу подобрался, сжался, как хищник перед прыжком. Добродушие слетело, остался только холодный расчет.

— Нету денег, говоришь? Совсем? А если обыск сейчас иницилируем? В комнате твоей? Найдём чего-нибудь, а? Патрончик там, или пакетик? А может и сами дензнаки?

Чувство было Грише знакомо до тошноты. Шесть лет назад он сам, надевая такую же серую форму, точно так же кошмарил проходимцев у метро.

Он помнил это ощущение власти. Поначалу он был строго против, идеалист, несостоявшийся опер, отчисленный из школы милиции. Но старшина Рощин, старший экипажа, тогда посмотрел на него как на идиота: «Ты что, лучше других? Аристократ? Или у тебя жопа белая, не пачкается? Жить на что будешь, на оклад? А может ты вообще стукач? Таким в моем "бобике" не место, Ракитин. С говном смешаю»

И младший сержант Ракитин сдался. Начал брать. С подвыпившего забулдыги, с мужика, отливающего в кустах, с

бабки, торгующей семечками у перехода. Помаленьку. Для них этот рубль — откуп от проблем, а для тебя — возможность купить колбасы, почувствовать, что ты не нищий. Братъ он начал брезгливо, ненавидя себя, потом привык. Спустя два месяца — уже жизни без этого не видел. Вот и в тот роковой зимний день, когда вырвался со смены на обед домой, он настрелял уже с десятков рублей, а дома...

Нет.

Он запретил себе вспоминать то, что произошло тогда дома. Там была чернота.

Гриша встряхнул головой, отгоняя морок прошлого, и решил вывалить свой единственный козырь. Последний патрон.

— Начальник, не кипятись. Ну правда ничего нету. А про патрончик или пакетик, пожалуйста, давай не будем, я же не какой-то галимый фраер, я сам... из бывших.

— Че бя? — участковый нахмурился.

— Сержант милиции.

Это произвело магический, размягчающий эффект. Словно они оказались в одной бане.

— Да ну? И где же ты, КОЛЛЕГА, служил?

— Ну да. ОБППСМ по Северо-Востоку.

— Серьёзно? — участковый перестал жевать губу и посмотрел с интересом. — А Саню Горькова знаешь?

Григорий лихорадочно прокрутил в голове картотеку лиц своего батальона. Десятки, сотни лиц... И нашел нужное.

— Водила со второй роты, что ли? Квадратный такой, полтора на полтора, вечно бушлат в масле? Он вроде женился в восемьдесят девятом, из деревни сала с центнер прислали, всему батальону раздавал.

— Он самый! — лицо участкового расплылось в улыбке, превратившись из маски палача в лицо обычного мужика. — Это ж моей жены брат! Вот тесен мир!

Они постояли две минуты, перекинулись парой фраз за службу, за это сумасшедшее время, когда всё летит кувыркком. Милиционер вздохнул и вернул Григорию паспорт.

— Ну, смотри, «коллега», — в слове уже не было угрозы, только усталость. — Денег нет — ладно, бог с тобой. Но моя дача сама себя не сделает. В воскресенье что бы зашёл в опорник ко мне, вместе с ЗИЛом своим. Или на учёт поставлю. Ясно?

— Ясно, — кивнул Гриша, чувствуя, как с плеч спадает пудовая гиря.

Участковый уже развернулся уходить, но вдруг притормозил:

— И с работой тебе, я смотрю, не особо фартит. Завгар-то твой — конченный гондон. Платит хоть нормально? В прошлом году работяги ему хлебальник набили за кидалово, он сразу ко мне заяву катать прибежал, терпила. Держись там, сержант. Не лезь в залупу.

Это внезапное, грубое сочувствие от «собрата по форме» тронуло Гришу сильнее, чем любая жалость.

Опоздание на работу, разумеется, даром не прошло.

Завгар был в бешенстве. Видимо, снова с женой поругался или с похмелья маялся. Он орал так, что слюна летела, кривил рот, озаряя серый двор автобазы стальными фиксами:

— Ты кем себя возомнил, урод, а?! Опоздал — штраф! За сегодня смена аннулирована! Ещё раз — и вали на все четыре стороны!

В кабинете завгара из кассетника сипло пел Шуфутинский о том, что «лучше водку пить, чем воевать». Гриша поморщился. До отсидки он никогда не любил этот блатной надрыв, который теперь гордо именовали «русский шансон». Тогда он всегда предпочитал мелодии и ритмы зарубежной эстрады — там была красивая жизнь, которой у него никогда не было.

Сейчас же тюремная лирика и музыка сидельцев стала ритмом его жизни.

Гриша поспешил к своей машине. Из-за позднего прихода все «вкусные» маршруты уже разобрали. Некоторые водили уже по второму кругу брали путевки. А Грише досталась самая паршивая работа, обьедки с барского стола.

Во-первых, без грузчика — таскать всё самому. Во-вторых — «развозка». Это значило мотаться по ларькам с продуктами. По узким, заставленным машинами улочкам, по тесным дворикам, где порой даже юркому «РАФику» тесно, а он должен протискивать свой пузатый ЗИЛ с мебельным фургоном.

Он забрался в кабину старого ЗИЛа, пахнущую бензином и пылью. Повернул ключ зажигания.

Тишина. Потом натужный вой стартера: Уиии... уиии...

Минута, две, три. Стартер крутил в холостую, захлебываясь и умирая.

Григорий ударил кулаком по рулю.

— Сука!

Еще неделю назад он просил местных слесарей глянуть машину.

— Мужики, сделайте что-нибудь, стартер вообще сдыхает, маслает по полчаса!

Но те, чумазные боги гаража с черными от масла руками, лишь развели ладонями:

— Запчастей нет, Гриня. Хочешь нормально ездить — дуй на Тушинский рынок, покупай сам, привози — поставим. За пузырь.

Гриша тогда отнекивался. Денег на запчасти не было, а бутылка водки за такую работу казалась роскошью — он и новый стартер сам мог поставить, и, что важнее, бутылку эту сам мог выпить...

Сейчас эта самонадеянность была его по лицу грязной тряпкой.

Выматерившись в три этажа, он полез под сиденье. Вытащил тяжелую железную рукоятку — «кривой стартер». Вылез из кабины, и с остервенением вонзил железяку в зев мотора. Напряг спину, чувствуя, как хрустят суставы, и крута-

нул. Раз. Другой. Третий. Двигатель фыркнул, чихнул сизым бензиновым облачком, и нестройно забулькал на холостых, как старый, больной слон. Цилиндры работали вразнобой, машину трясло.

«Вечером зайду к слесарям, поговорю серьёзно», — приказал себе Гриша, вытирая руки об рабочий бушлат. Но в глубине души он понимал — это дохлый номер. Три мастера на всю базу, и на совершенно разные машины, как бензиновые - двадцать ЗИЛов и десяток ГАЗонов, так и на десяток дизельных КАМАЗов, МАЗов и даже две или три ГДРовские ИФЫ. Люди пашут на износ. Любая лишняя работа для них — как плевков в душу, если она не подкреплена «жидкой валютой».

Он захлопнул капот, и вернувшись к кабине, забрался в нее, ухватившись за руль, оплетенный чьей-то заботливой рукой цветным телефонным кабелем — нелепая примета уюта в этой железной коробке.

С хрустом, едва не выломав рычаг, вогнал заднюю передачу. ЗИЛ дернулся и медленно попятился из тёмного зева гаража на свет.

Григорий смотрел назад, высунув голову в открытую дверь, лавируя между плитами, и даже не подозревал, что сегодняшний вечер изменит его жизнь кардинальным образом. Уже с завтрашнего дня он больше никогда в жизни не будет нажимать на тугие педали грузовой машины. Судьба уже ждала его на Мосфильмовской улице.

1.2. Последний куш

Дым в зале ресторана «Самарканд» стоял коромыслом, густой и сладковатый от дорогих сигарет, перемешанный с запахом жареного мяса и дорогого коньяка. Карим Мухамедович кивал через стол упитанному мужчине в дорогом пиджаке — их московскому партнеру, который хвастался, как лихо они провернули дело с составом мебели, «случайно» загоревшимся на товарной станции Москва-2.

— Чисто работа, Карим Мухамедович, чисто! — гудел партнер, сверкая золотыми коронками. — Страховщики отвалили, товар списан, всё как по маслу. Ваша доля — уже на счету, обналичим через пару дней.

Карим кивал, поднимал стопку, но взгляд его блуждал по залу. Он видел обычных людей. Молодую пару, смеющуюся над чем-то своим, семейство с двумя детьми, празднующее чей-то день рождения. Простая, нормальная жизнь. Та, что проходила где-то за пределами его мира, мира «стрелок», «общаков» и «разборок».

Пятьдесят шесть лет. Половина — по тюрьмам да зонам. Молодость — в погоне за авторитетом. Тогда семья была обузой. Лишним рычагом давления.

Он посмотрел на своего собеседника. Тот был «вором», настоящим, коронованным. Но Карим всегда был другим — авторитет, смотрящий, но не вор - налётчик, разбойник. Не

брезговал «мокрыми» делами, действовал жестко. Это не сильно почиталось среди законников, но боялись его больше иного вора. И сейчас его слово в их среде весило много. Но что толку?

Перед глазами встал образ Погосяна-старшего. Тоже вор, авторитет. Но, вопреки всем «понятиям», обзавелся семьей. И сейчас у него дом — полная чаша, сыновья, внуки. А у тебя, Карим Мухамедович? Кто встретит тебя дома? Только тишина да стук собственного сердца.

Мысли прервал резкий кашель. Он вспомнил Дядю Ваню. Сурового, как скала, мужика, который одним своим взглядом мог остановить драку. А теперь — разбитый древний старик на Кипре. В пятьдесят восемь лет! Роскошная вилла стала его золотой клеткой. Сын? Тот сын, которого он не видел с брежневских времен? Не семья, а призрак.

И чего он добился? Денег? Да толку от них, когда даже поговорить по душам не с кем?

— Карим Мухамедович, вы меня извините, я к вам с одним дельцем, — чей-то голос вывел его из раздумий. Это был Витька-Лопата, вертлявый мужичок с хитрющими глазками. Он пристроился на соседний стул. — Дело чистое, золото. Спецсвязь.

Карим смотрел на него, почти не слушая. Но Витька, не дожидаясь интереса, выложил все детали. Дальний родственник-фельдъегерь, маршруты, график, даже готов подставить бок для легкого ранения — для убедительности.

Если отбросить эмоции... Лопата, конечно, шельма, но фартовые делюги он подкидывает, погоняло свое за это и получил от братвы. Куш не лям, но серьезный. Последний, прощальный.

Интерес, давно угасший, шевельнулся в его глазах.

— Ладно, — хрипло сказал Карим. — Обсудим подробнее. Завтра.

Витька просиял и сунул ему пачку «Lucky Strike». Карим отказался, вспомнив свои любимые «Космосы», оставленные в машине.

Он вышел на прохладный московский воздух, ища спасительной тишины после ресторанного гама. Подойдя к ларьку, он потянулся за деньгами и встретился взглядом с продавщицей. Молодая девушка, лет двадцати. И до боли знакомые черты... Лариска. Точно, Лариска, как сестра ее родная.

Господи, когда это было? Еще «Каштан» назывался, нынешний «Армянский дворик». Дядя Ваня общак там хранил. Залётные гастролеры... стрельба... Ирку тогда порезали, теперь она не наводчица Иришка, а сутенёрша «Ирка-резаная». А девочка... Лорка...

Перед ним всплыло лицо девятилетней девочки. Ее родители погибли тогда — отец от шальной пули, мать — от осколков витрины. А самой Лорке стекло выбило глаза. Он узнал об этом на допросе от оперуполномоченного, который бесился от бессилия — пришить Кариму было нечего. И тогда в его очерстевшем сердце что-то дрогнуло. Он разыс-

кал ее в интернате и стал «дядей Костей», другом погибшего отца. Помогал деньгами, устраивал в лучшую музыкальную школу. Она, слепая, научилась виртуозно играть на скрипке. И он, матерый рецидивист, тайно приезжал на ее концерты, стоя в дальнем углу зала, и чувствовал, как что-то теплое и щемящее наполняет его пустую душу. Она стала его дочерью. Его главной тайной.

Его размышления прервал голос другого покупателя, стоявшего рядом. Молодой мужик в замасленном ватнике тыкал пальцем в витрину ларька:

— Девушка, сообразите мне «красный ЛМ»! Четыре штуки.

— Да не пачки, а штуки! — уточнил он, видя непонимание. — Я чё, на банкира похож?

Продавщица, которую он отвлек от каталога "Орифлейм", брезгливо поморщилась:

— Мы поштучно не продаем.

Карим, не глядя, достал из пачки несколько купюр и бросил на прилавок.

— Дайте ему четыре пачки, — буркнул он, забирая свои «Космосы». И, отвернувшись, сделал первую затяжку. Горький дым больше не приносил утешения. Только подчеркивал горечь его мыслей. Пора заканчивать. Это дело с золотом должно стать последним.

1.3. Четыре сигареты

День Григория как начался через пень-колоду, так и покатился под откос, громыхая ржавыми гайками.

Сначала всё шло терпимо, если не считать того, что кабина ЗИЛа встрясала душу на каждой кочке. Но к этому он уже привык: за последние четыре месяца Гриша провёл в ней времени больше, чем в своей комнате в коммуналке, и чувствовал себя здесь гораздо комфортнее - здесь не было ни высокомерной тети Нади, ни соседей-алкашей, ни тараканов с клопами.

Здесь было всё для скромного комфорта: старое верблюжье одеяло с засаленной подушкой для отдыха; подключенный к автомобильной сети кипятильник в литровой банке — на случай, если захочется погонять чай в ожидании погрузки; и часы — приклеенный к железной торпеде на эпоксидку старый советский будильник «Слава».

Кабина обладала своим, грубым, мужским уютом. Вокруг люков была воткнута бахрома от старой скатерти, она же шла поверх дверей. В плафон освещения шприцем была впрыснута красная тормозная жидкость «БСК», создавая по вечерам ощущение нахождения в некоем порочном будуаре с розовато-малиновой подсветкой. По периметру огромного, изогнутого лобового стекла под уплотнитель были вставлены копеечные монетки — при самых скромных подсчетах,

туда ушло рубля три, не меньше.

Григорий даже вынашивал план обить ледяное железо кабины изнутри ковром — видел такой шик у камазистов. Он уже прикидывал момент, чтобы незаметно вынести из коммуналки настенный «пылесборник»: если его грамотно порезать, то хватит ещё и на отличные, тёплые накидки на сиденья.

За этими размышлениями о благоустройстве своего «рабочего кабинета» пролетело пару часов. Но стоило ему забраться на Северянинский мост, в самое узкое его горлышко, как под капотом раздался звонкий хлопок, похожий на пистолетный выстрел. Тяга пропала, из-под капота повалил пар.

— Твою ж мать! — взвыл Гриша, чудом вырুলывая к отбойнику накатом.

Порвался ремень компрессора и помпы. Ошмётки резины, дымясь, валялись на блоке цилиндров. Запасного, конечно же, не было — завгар экономил даже на ветоши. Следующий час превратился в ад. Гриша, чёрный от копоти, метался по мосту, голосуя каждому проезжающему ЗИЛу, ЛАЗу, даже редкой грузинской «Колхиде» — он знал, что двигателя у них одинаковые - карбюраторные «восемёрки».

Водители проносились мимо, обдавая его выхлопными газами и грязью. У тех редких, что останавливались, не было нужного размера. И лишь десятый, седой водитель «ЛИАЗа», сжавшись или увидев отчаяние в глазах коллеги, тор-

мознул и за просто так подарил ему пару бэушных, но живых ремней.

Григорий хотел было сунуть тому в руки банку тушёнки, но автобусник посмотрел на него, как на умалишённого. Шоферское братство все ещё жило по принципу: «Сегодня помог ты — завтра помогут тебе».

Но ЗИЛ не сдавался. Заменив ремень и запустив мотор, Гриша обнаружил, что стрелка манометра лежит на нуле. Тормозов нет. Где-то в системе сифонил воздух.

Ещё полчаса он ползал под грязно-серым брюхом грузовика, слушая предательское шипение, пока не нашел лопнувший патрубок. Пальцы заоченели, сбитые костяшки кровоточили. К счастью, под сидением в грудe хлама нашелся кусок шланга и пара ржавых хомутов.

Когда он наконец тронулся, его колотило от напряжения и ненависти. К этому проклятому ЗИЛу, к завгару с его фиксами, к самому себе.

К ларьку на Мосфильмовской он прибыл около шести вечера. Сумерки уже сгущались, холодный ветер гонял по асфальту мусор. Гриша остановился, откинулся на спинку и закрыл глаза, чувствуя, как гудят руки от вибрации руля.

В голове билась одна мысль: курить.

Если он сейчас не затянется, сердце просто остановится. Три сигареты, стрелнутые на прошлой точке, давно сгорели, оставив лишь ностальгические воспоминания о приятном аромате их дыма.

Он вылез из кабины, хлопнув дверью с таким звуком, будто выстрелил в висок, и поплёлся к светящемуся окну коммерческого ларька

У витрины стоял невысокий худощавый мужчина. Гриша, даже в своём измученном состоянии, по старой ментовской привычке «срисовал» его мгновенно

«Та-а-к... Прикид серьёзный. Кожаное пальто на меху, турецкое или югославское. Мне на такое год баранку крутить, и то не жрать при этом. Лет пятьдесят-пятьдесят пять... Курит “Космос”, но держит сигарету не как интеллигент, а как...

Гриша скользнул взглядом по профилю незнакомца. Лицо было сложным. Невозможно было сходу прилепить национальность. То ли москвич в пятом поколении, впитавший в себя кровь всей империи, то ли чуваш, то ли прибалт с примесью юга. Но миндалевидный разрез карих глаз с тяжёлым, оценивающим прищуром и горбатый нос, явно не раз свернутый в уличных драках, выдавали в нём человека, который привык бить первым

«Татарин, — решил про себя Гриша. — Или башкир. Точно, татарин. Скулы грубые, глаза цепкие»

Незнакомец поднёс сигарету к шербатому рту, и рукав пальто чуть задрался. Гриша увидел тыльную сторону ладони. На синюшной, старческой коже отчётливо синело татуированное солнце с чайками, а внизу под ней угадывалась надпись слегка корявым шрифтом: ВОРКУТА. А на фалангах — перстни. Не золотые, нет. Наколотые. «Совершил убий-

ство», «отбыл срок от звонка до звонка», «судим за разбой». Чуть ниже них - увенчанные коронами буквы: БАРС. Это не любовь к животному, это аббревиатура - "Бей актив, реж сук"

Гриша внутренне подобрался.

«Не коммерс это. И не барыга рыночный. Это волк. Матёрый волчара. Уголовник старой закалки. Особо опасный рецидивист. Такому человека шлепнуть — что высморкаться. И взгляд у него такой... Сквозь тебя смотрит. Будто прикидывает, сколько ты вешишь и глубокую ли яму под тебя копать придётся»

Татарин стоял неподвижно, глядя куда-то поверх крыш, абсолютно игнорируя присутствие рядом чумазого шоферюги. Для него простой работага в промасленном бушлате значил не больше, чем муравей, ползущий по бордюру

Григорий подошёл к окошку, стараясь не встречаться взглядом с уголовником, и постучал в стекло монетой

— Девушка! Будьте любезны... Сообразите мне «Красный ЛМ». Четыре штучки. Да не пачки, а штуки! Я чё, на банкира похож?

Гриша понимал, как жалко он выглядит. В кармане болталась мелочь, которой, если повезёт продать сжеженную с ЗИЛа канистру бензина, хватит на пару чебуреков и бокал разбавленного «Жигулёвского». А завтра...

«А это уже проблема завтрашнего меня», — привычно успокоил он себя

Продавщица, дебелая блондинка с начёсом, недовольно оторвалась от изучения каталога «Орифлейм». Яркие картинки красивой жизни явно интересовали её больше, чем грязный водила

— Мы поштучно сигареты не продаём! — рывкнула она, даже не глядя на Гришу. — Чё, читать не умеешь? Бери пачку или вали отсюда! Не загораживай витрину

— Слушай красавица, ну по-человечьи, а... Уши горят уже... — Гриша посмотрел на витрину - самые дешёвые сигареты, "Ява" в мягкой пачке, стоили шестьсот рублей. Он начал судорожно хлопать по карманам фуфайки, надеясь на чудо. Может, завалилась где сотка-другая?

Пальцы нащупали лишь обрывок тряпки, гайку и спички. Денег было ровно четыреста рублей. На четыре хорошие сигареты, или пол-пачки дрянных.

Стыд, горячий и липкий, ударил в лицо. Он, бывший сержант милиции, один блеск начищенных сапог которого заставлял трепетать всех уличных бродяг, вынужден стоять вот так, перед бабой, перед этим уголовником в кожанке, и побираться

И вдруг он почувствовал на себе взгляд. Тяжёлый, как могильная плита.

«Татарин» медленно повернул голову. Его пустые, равнодушные глаза скользнули по грязному бушлату, по грязным рукам Гриши, по его чумазому лицу... и вдруг замерли

Что-то дрогнуло в этом ледяном спокойствии. Зрачки

незнакомца расширились. Он смотрел не на одежду, а в лицо Гриши. Смотрел так, словно увидел призрака. Сквозь мазут и усталость, сквозь гримасу унижения, он с поразительной ясностью увидел другое лицо. Черты, которые он знал много лет назад.

Не говоря ни слова, «Татарин» сунул руку в карман пальто. На свет появились две хрустящие розовые бумажки — пятитысячные купюры. Солидные деньги для Гриши. Он небрежно, словно мусор, бросил их на металлический лоток.

— Дайте ему четыре пачки «ЛМ».

Продавщица моментально сменила гнев на милость, засуетилась, хватая деньги.

— Ой, сейчас, минуточку... Конечно...

Гриша остолбенел. Он перевёл взгляд с денег на благодетеля.

— Э-э ... Благодарствую, бать... — ошеломлённо пробормотал он, прижимая пачки «ЛМ» к груди как драгоценность.

— Но мне отдавать вам нечем. Получка не пойми когда, завгар — гнида... Вас может подвезти куда надо? Я на ЗИЛу, вон стоит. Подкину без бэ, хоть на край света... Вам бензин надо? У меня правда семьдесят шестой, но вдруг...

Из окошка высунулась рука со сдачей.

— Мужчина, сдачу заберите!

Но Карим не ответил ни ей, ни Грише. Он даже не посмотрел на деньги. Он смотрел только на парня. Смотрел пристально, изучающе, сканируя каждый сантиметр. Это был

взгляд не доброго старика, а хирурга, решающего, где резать. Или снайпера, просчитывающего упреждение на ветер.

— Тебя как зовут-то, парень? — спросил он.

Голос у него был низкий, с едва уловимой хрипотцой, скрипучий, как несмазанные петли тюремных ворот.

Вопрос повис в холодном воздухе. Простой, бытовой вопрос, но от него у Гриши похолодело под ложечкой. Волоски на загривке встали дыбом — так бывает, когда в лесу чувствуешь на себе взгляд зверя. В этом жесте, в этой покупке не было жалости или милостыни. Это было что-то другое.

Что-то опасное и неотвратимое, словно сухой металлический щелчок взведённого курка.

Почему-то Грише показалось, что прямо сейчас его жизнь, та самая унылая, безнадёжная дорога, по которой он плёлся на сломанном грузовике, резко свернула в тёмный, незнакомый переулок.

И обратного пути уже не было.

— Гриша, — выдохнул он, сам не зная, зачем отвечает.

1.4. Шанс

— Григорий, значит... — протянул незнакомец, пробуя имя на вкус, словно проверяя его на прочность. — Хорошее имя. Сильное.

Гриша напрягся. Ментовской инстинкт, заглушенный четырьмя годами тюрьмы и выживания в нищете, вдруг проснулся и забил тревогу. Этот мужик не просто прохожий. И не просто уголовник. От него веяло властью, той самой, тяжёлой и липкой, от которой обычному человеку хочется бежать без оглядки.

— А вы, собственно, кто? — буркнул Гриша, пряча пачки сигарет по карманам ватника.

— А мы, собственно, твои новые друзья, Гриша. Если ума хватит, конечно, — незнакомец кивнул в сторону огромного темно-синего «Мерседеса» в 126-м кузове, припаркованного в тени деревьев, словно сухопутный крейсер. — Присядем? В ногах правды нет, а дело есть. Базар один к тебе есть. Приватный. Работа одна, так скажем.

Гриша оглянулся на свой умирающий ЗИЛ, потом на тепло светящийся салон иномарки. Холод пробирал до костей, а там — другой мир.

— Ладно, — выдохнул он. — Только недолго. Машина

стынет.

Григорий решил, что это какие-то новые «клиенты», которым нужна грузовая машина. Сунув руки в карманы фуфайки, он по-деловому подошёл, к роскошной иномарке, и постучал костяшкой пальца по стеклу.

— Мужики, сразу предупреждаю, — начал он, еще не видя лиц пассажиров, — ЗИЛ не мой, а хозяйский. Мне сначала точки развести надо, потом свободен часов до десяти. Нужна машина — будьте добры, залейте полный бак. Меня за бензин ебут, как за гостайну.

Переднее стекло плавно опустилось. На месте водителя сидел угрюмый, молчаливый мужчина южной внешности. Тонкие усики-стрелочки, большие карие глаза, выражающие какую-то древнюю печаль и огромный горбатый нос, орлиным профилем выдающийся на круглом лице не составили труда бывшему менту идентифицировать его национальную принадлежность - ему было так проще, зацепиться за какую-то особую примету и плясать от нее

"Этот парень явно с Кавказа, не грузин и не армян, скорее чеченец. Или азербайджанец. Точно, азербайджанец"

Усач лишь кивком показал на соседнюю дверь. Гриша открыл ее и сел на переднее пассажирское сиденье.

-Здорова, мужики. Если вы по поводу ЗИЛа... - начал было Григорий, но его оборвал на полуслове донесшийся сзади голос.

— Повернись, парень. Поговорить надо, — спокойно ска-

зал Карим. — Григорий... Иванович, если не ошибаюсь?

— Допустим. Откуда знаете? — Грише пришлось неловко развернуться всем корпусом, упираясь коленом в центральную консоль. Карим специально сел сзади, чтобы с первого же мгновения поставить собеседника в подчиненное, неудобное положение.

— Паспорт дай свой.

— Чего? — Гриша нахмурился. — С какой радости? Я документы первому встречному не показываю. Я свои права знаю.

— Права ты свои на суде забыл, когда погоны с тебя сдирали, начальник, — голос сзади стал жестче, в нём прорезался металл. — Паспорт. Сюда. Быстро.

Гриша сжал кулаки. Гордость, остатки ментовского превосходства над окружающими людьми яростно взбунтовались.

— А если не дам? — он резко повернул голову к водителю, оценивая его, как противника. Тот был весьма крепок собой, ладно скроен, хоть и несколько пухлат, но это было свойственно его возрасту. Явно занимался каким-то силовым видом спорта ранее, в драке - весьма сложный противник.

Бакинский, однако, даже не повернулся в его сторону. Он просто, не меняя позы, левой рукой чуть отогнул полу своей кожанки. Под мышкой тускло блеснула полосатая рукоять пистолета в оперативной кобуре. ТТ. Серьёзный аргумент.

Гриша сглотнул. Он знал этот взгляд водителя — пустой,

равнодушный. Таким всё равно, нажать на курок или заку-
рить.

Медленно, стараясь сохранить остатки достоинства, Гриша достал из внутреннего кармана фуфайки засаленный паспорт и, не оборачиваясь, протянул его назад через плечо. Второй раз день он давал кому-то свои документы, и это выбивало землю у него из под ног.

Сзади слышался шелест страниц.

— Ракитин Григорий Иванович... Шестьдесят восьмой год... Прописан... угу... Судимость погашена... — бормотал Карим. — Всё сходится.

Пауза затянулась. Гриша слышал только тихий шелест работы двигателя и собственное сердцебиение.

— Григорий, — начал Карим, отдав ему паспорт, и зарикуивая. — меня зовут Карим. Твоего отца, Ивана Громова, я знал. Дядю Ваню. Мы с ним много чего прошли. Он был правильным мужиком. Сильным.

— Я его почти не помню, — удивлённо ответил Гриша, чувствуя, как по спине бегут мурашки. — Последний раз он к нам приезжал, когда я совсем малой был. Да и мать толком не рассказывала, они ведь и женаты не были. Просто говорила "Папаша твой козел, сынок" - вот и все.

— Да, узнаю Любу. - когда этот уголовник назвал мать Григория по имени, неприятные мурашки побежали у парня

по всему телу - ничего страшного, кровь — она своё возьмёт. Яблочко от яблони, как говорится. Смотришь на тебя — и будто молодой Ваня передо мной. Только вот... судьба у тебя сложилась криво. Рос без отца, ментура, тюрьма... Теперь вот это. — Карим мотнул головой в сторону рабочего ЗИЛа. — Это не твоя дорога, парень. Ты рождён для другого.

— Для чего же я рожден, позвольте узнать? — Грише не нравился ни этот диалог, ни компания уркагана и молчаливого азербайджанца, ни то, что первый слишком много знал о нем, для случайного знакомого отца. Он поначалу хотел припечатать Карима какой-то дерзкой фразой, но затем понял, что это не тот человек, который простит обиду, и решил вести себя вежливо и культурно. Главное, думал он, чтоб вежливость за слабость не приняли.

— Делать дела ты рожден. Продолжать историю отца. Твой батя больше с нами не работает. Случилось несчастье, здоровье подвело. Он уехал. А дело его, организация, осталась. Как корабль без капитана. Кто-то должен встать у штурвала. Кто-то с его кровью. Ты.

Гриша сжал губы, чтоб не было слышно, как от страха постукивают зубы. Предложение было ошеломляющим и пугающим. Почему-то именно в этот момент он очень остро ощутил свою никчемность - сидит себе, насквозь провоняв-

ший ЗИЛом и отчаянием, пачкает салон дорогушей тачки изношенными портками. Он даже невольно привстал, чтоб рассмотреть, не испачкал ли своими штанами велюровую обивку сидения, заметив какое-то мелкое пятнышко наслюбил палец, и принялся его оттирать. Бакинский и Карим переглянулись, словно в салоне автомобиля сидел сумасшедший, пытающийся раздавить одному ему видимого таракана. Карим выразительно кашлянул, парень дрогнул и уставился ему в глаза:

— Я... я ничего в этом не понимаю. И зачем я вам? Я же никто, простой шоферюга. Бывший мент. Даже не опер, не следак - патрульный. На бобике катался.

— В этом-то и фишка, — усмехнулся Карим. — Ты — новое лицо. Чистый. Для ментов, для конкурентов. Ты будешь формальным главой. Фиктивным. А реально рулить будем мы. Ты получишь всё: деньги, власть, уважение. А мы — спокойствие и прикрытие. Все в выигрыше.

Он помолчал, давая словам впитаться, а потом его голос стал тише, но в нем зазвенела сталь.

— Но запомни, парень. Это не детский сад. Раз вошел — обратной дороги нет. Решешь кинуть... — Карим многозначительно посмотрел на него, — мы тебя из-под земли доста-

нем. Понял?

Гриша смотрел в стекло. Перед ним мелькали картины его убогой жизни: коммуналка, вечно недовольный завгар, везде - крики и безысходность. А здесь — шанс всё изменить. Взять реванш у судьбы. За окном суежилась вечерняя Москва, люди спешили домой с работы, или наоборот - на ночную смену, кто-то закрывал ларек, где-то рядом промчалась "скорая помощь", воем сирены озаряя округу.

«Соглашайся, дурак!» — кричал внутри него какой-то голос, настойчивый и жадный. «Это же твой ШАНС! Единственный и последний. Ты что, собрался до седых мудей ящики таскать да баранку крутить? Денег нет, перспектив — ноль. А тут...»

Он украдкой посмотрел на Карима. Тот смотрел вперед, его лицо в свете салонного плафона казалось высеченным из камня. «Мужик, конечно, серьезный. Опасный. Но батю моего уважал. Значит, и ко мне... не подведут. Не кинут. У таких людей свои понятия, они за своих горой стоят».

Мысль о том, что он ввязывается в криминал, мелькнула, но тут же была отброшена. «Ну и что? Весь этот дикий капитализм — один большой беспредел. Одни воруют миллионами и по телевизору улыбаются, а другие за копейку горбчатся. Какая разница, где брать? Лишь бы платили. А тут платить будут. Должны».

И главное — его новая роль. «Они и рулить будут, эти двое

– Татарин и Азербайджанец. А я... я буду их лицом. Ширмой. Сиди себе, гривой маши, получай зарплату. А всю работу они сами сделают. Мне и не надо ничего знать. Не надо вникать в их разборки, в стрельбу, в эти их «понятия». Главное – имя, кровь отца. Именем я и буду. Не смог стать именем закона – может получится стать именем беззакония?».

Он чувствовал прилив странной, почти детской уверенности. Это был простой и ясный путь. Не нужно думать, не нужно принимать сложных решений. Просто играть роль. Роль сына своего отца.

«Второго такого шанса не будет, – окончательно убедил он себя, сжимая губы. – Или сейчас, или никогда. Вся жизнь – дерьмо, а здесь... здесь можно все изменить. Вырваться. Стать КЕМ-ТО».

Он глубоко вдохнул и посмотрел на Карима уже с другим чувством – не со страхом, а с решимостью. Это была сделка. Он продавал свое прошлое и свое имя в обмен на будущее. И он был готов заплатить эту цену.

Он глубоко вдохнул и посмотрел на Карима уже с другим чувством – не со страхом, а с решимостью. Это была сделка. Он продавал свое прошлое и свое имя в обмен на будущее. И он был готов заплатить эту цену.

— Я согласен, — выдохнул он, и почувствовал, как земля уходит из-под ног. Переход был слишком резким: из вонючей кабины грузовика — в велюровую уютную клетку этого

Мерседеса.

— Красавчик, — Карим хлопнул его по плечу, и этот жест был одновременно и одобрением, и клеймом. — Завтра ты уже должен приступить к работе. Если, конечно, у тебя нет дел поважнее... — он многозначительно кивнул в сторону ЗИЛа, этот жест со стороны Карима был унижительнее любого оскорбления, и Грише на мгновение показалось, что он видит в темной кабине припаркованной машины самого себя — грязного, уставшего, проигравшего эту жизнь.

— Я все решу за сегодня. Обещаю, — поспешно сказал Гриша, боясь, что предложение вот-вот исчезнет, как мираж.

— Значит, смотри. Мы бы сами тебя отвезли, но ты не в том... — Карим с легким отвращением окинул его взглядом, — АМПУА. Сын Дяди Вани так не выглядит! А возиться с тобой по магазинам у нас нет ни времени, ни желания.

Карим ловким движением, не глядя, достал из кармана пачку денег и всунул ее Грише в карман фуфайки. Тот почувствовал вес.

— Оденься по-человечески. Купи себе приличные штаны, чтоб без дыр. Куртку, чтоб не смердела бензином. Подстригись, чтоб сзади не торчало клоком, как на дворняге. И

одеколон какой-нибудь, или дезодорант, ради бога! — Слова Карима заставили Гришу почувствовать себя голым. — Завтра на утренней электричке приедешь в Шелгинск. Знаешь, где это?

— Ну, слышал... Сто первый километр, да? — Гриша пытался сориентироваться в карте своих неудач.

— Правильно. Электричка ходит три или четыре раза в день. Проснешься с утра — садишься, едешь. В 12 часов ты должен стоять на платформе, красивый, побритый, помытый, излучать энергию и рвение к новым горизонтам. Там тебя встретят. Как будущую звезду. Все понял?

Григорий, с пересохшим от волнения ртом, вдруг автоматически, по инерции прошлой жизни, выпалил: «Так точно!». Со стороны это выглядело нелепо. Бакинский за рулем презрительно фыркнул.

— Ну, раз все понятно... — Гриша уже потянулся к ручке двери, но вдруг резко обернулся. Рука Карима, жилистая и вся в синих наколках, молниеносно схватила Гришу за шею. Хватка была обжигающе сильной, словно на горло накинули медвежий капкан. «Как это возможно у такого дохляка?» — промелькнуло у Гриши в голове. Карим притянул его так близко, что Гриша увидел каждую морщину на его лице и

холодную сталь в глазах, а золотые коронки озарили лицо парня каким-то потусторонним, замогильным светом — И еще, пацан. Если ты решил нас кинуть... Или ты вдруг подумал, что ты самый умный... Или к коллегам своим бывшим побежать решил этого ничего у тебя не выйдет. На ремни порежу. Понял?

Гриша быстро-быстро закивал головой, и уголовник резко разжал хватку, снова хлопнув его по плечу.

— Добро пожаловать в новую жизнь, СЫНОК.

Гриша вышел из машины. Дверь закрылась с тихим щелчком, отсекая мир кожаных курток, денег и власти от мира вонючих ЗИЛ и безнадёги. Он стоял на тротуаре, сжимая в кармане пачку денег. Свежий воздух весенней Москвы, который еще минуту назад был для него родным, теперь казался чужим. Он сделал шаг, чувствуя, как под ногами обрывается край прошлой жизни.

1.5. Пустые глаза

Мерседес плавно отъехал от ларька, оставив за спиной Григория Ракитина и его убогую жизнь. В салоне повисла тяжёлая, густая тишина, нарушаемая лишь ровным гулом мотора. Первым её нарушил Бакинский. Не поворачивая головы, глядя прямо на дорогу, он хрипло выдохнул:

— Он же конченный долбоёб. Ты это все серьезно, Мухомедович?

Карим, растягивая удовольствие, закурил «Космос». Дым медленно поплыл под бархатный потолок.

— А что такого? Парень как парень. С характером.

— Да какой блядь характер?! — Бакинский резко повернул голову, и его обычно непроницаемое лицо исказила гримаса презрения. — Сопляк. Глаза пустые. На него глянешь — и видно, что размазня. Того и гляди, с баблом рванёт, и ищи потом свищи. Да Ваня сам бы такого сынка-сосунка нахуй послал! Я хоть и не знал молодого Ивана, но за время с нашего знакомства до его болезни понял — тот был скала. Решения принимал твердые, смотрел прямо. А этот... щенок голодный.

Карим усмехнулся, глядя в запотевшее стекло. Он любил эти редкие моменты, когда угрюмый Бакинский оживлялся и начинал говорить больше двух слов.

— А ему терять нечего, Элман. Вот в чём фишка. У него за спиной — дыра. Тюрьма, позор, работа шофёром. Он ухватился за наш разговор как утопающий за соломинку. Ты видел, как он сжался, когда я про мать его заговорил?

Бакинский хмыкнул, возвращая взгляд на дорогу.

— Ну, сжался. И что?

— А то, — Карим сделал очередную затяжку, — что я в жизни ее не видел. И Ванька особо о ней не рассказывал. Про сына - говорил, раньше между делом, а перед своим отлётом на Кипр так вообще разоткровенничался. Я через мусоров прощупал - да, есть такой. Гриша Ракитин, 28 августа 1968 года рождения, ментом работал, три года отсидел, в “хозбанде” Бутырки баранку крутил. Под фамилией матери всю жизнь провел, отца не знал. Уже месяца как два все его телодвижения передо мной как на ладони. Про мать его я так, для эффекта сказал. А его будто током ударило. У парня внутри — большая, чёрная дыра. И человек с дырой внутри — самый управляемый. Ему нужно эту дыру чем-то запол-

нить. Деньгами, властью, уважением. А мы ему это дадим.

— Дыру заполнит, бабки твои прихватит и съебется на все четыре стороны, — упёрся Бакинский. — Или ментам нас сдаст. Я в глаза смотрю, Карим. Я по глазам вижу. А у него глаза... пустые.

— Пустые — это лучшее, что может быть, — голос Карима стал тише — Пустые — значит, мы свои картинки туда вложим. Сделаем его тем, кем нужно. Он — наша визитка. Наша легальная морда. А мы... мы будем настоящей силой в тени. Пусть все на него смотрят, пусть менты на него охотятся. А мы будем спокойно дело делать.

Бакинский промолчал, но Карим видел по его затылку, что тот не согласен. Молчание было его формой протеста.

— Поверь, Элман, — Карим откинулся на сиденье, — иногда самый опасный враг — не тот, кто силён, а тот, кому нечего терять. А этот пацан... он уже всё потерял. И теперь он будет цепляться за то, что мы ему дадим, до последнего. Потому что другого выхода у него нет. Сможет - молодец, далеко пойдет. Не сможет - сами же его и похороним.

В салоне Мерседеса снова воцарилось молчание. Кариму вдруг вспомнилось, как ещё в январе Дядя Ваня, сидя с ним

за столом в шашлычной Дяди Жоры, вдруг замолк на полуслове. Его лицо исказила гримаса, изо рта потекла слюна. Инсульт. В пятьдесят восемь лет. Затем - восстановление, хоть и не окончательное, бегство в теплые края и конец всей прежней жизни. Карим сжал кулак. Вот она, цена этой жизни. Сначала — тюрьмы и стрелки, а в конце — роскошная клетка на чужбине или инсульт на пике своего могущества. И никого рядом. Ни детей, ни жены. Одни деньги. Холодные, бумажные.

— Ваня, тоже о семье думал в последнее время, — внезапно тихо проговорил Карим, больше для себя. — Говорил, пора бы завязать, о внуках подумать. Все с этим Гришей встретиться хотел, да все время откладывал. Не успел.

— Вот думаю я, Элман, — начал Карим громче, медленно вращая сигарету в руке. — Дядя Ваня наш на Кипре. Греется. Вроде бы и правильно, возраст, здоровье... А с другой стороны — скучно, наверное, одному на чужбине. Солнце, море, а поговорить не с кем. Как думаешь, нам когда-нибудь такое светит? Стариками по теплым берегам бродить?

Он внимательно посмотрел на Бакинского, пытаясь уловить хоть какую-то реакцию. Тот не шелохнулся, его взгляд был устремлен куда-то внутрь себя, в те далекие горы, где осталось все, что ему дорого.

— Мне не светит, — наконец, тихо и глухо проговорил Бакинский. Его акцент стал намного заметнее, Карим раньше не обращал внимания, почему в критические минуты его телохранитель плохо говорил по-русски. — Моя родина там. И мое море — это кровь, что текла по улицам Ходжалы. Мне некуда ехать, Карим Мухамедович.

Он сделал глубокий вдох, и Карим впервые увидел, как скулы Элмана напряглись, будто от физической боли. Это было не просто отсутствие планов. Это был приговор самому себе.

— Понимаешь... — Бакинский вдруг заговорил, не глядя на Карима, уставившись в лобовое стекло — Когда теряешь всё... Работу... Я же в школе работал, учителем физкультуры, ты же знаешь... Снаряд прямо в зал залетел, я ребят кого мог вытащил... А дома... жену, детей, дом, пожилых родителей... когда видишь, как твои дети... — он резко оборвал, сжав руль так, что пальцы побелели. Он не мог договорить. Этого горя не вмещали никакие слова.

Карим молчал. Давление этой немой печали было осязаемым. Он знал, что Бакинский — беженец из Карабаха, но лишь сейчас, в тишине Мерседеса, до него дошла вся бездна этого горя. Этот угрюмый мужчина носил в себе целую все-

ленную боли и при этом оставался верной скалой.

— Прости, брат, не знал, — хрипло сказал Карим. — Жизнь... она ломает самых сильных. Главное — не сломаться до конца.

Бакинский кивнул, все так же глядя в пустоту. Прошло еще несколько минут, прежде чем он добавил, и его голос прозвучал устало и отрешенно:

— Ирка... Новикова. Она... упрямая. Как моя Лена. У меня ведь жена тоже русская была... Такая же стать. И взгляд... прямо мурашки по коже....

Карим откровенно обалдело смотрел на него. Ирка-резаная, циничная и грубая сутенерша, и этот молчаливый горец? В его голове не складывалась эта пара.

— Ирка? Серьезно? А я и не знал... Ты бы подошел, поговорил с ней?

— Она не смотрит, — просто ответил Бакинский. — На меня — нет. Не любит она нерусских.

В этом была вся его горечь. Он мог бы убить любого, кто посмотрит на Ирку косо, но не мог заставить ее посмотреть

на себя.

В эту секунду Карим испытал нечто вроде откровения. "А ведь этот мужик — глыба, — пронеслось у него в голове. — В нем столько боли, а он держится. Не ноет, не ищет виноватых. Просто несет свой крест. Такой ни на одном допросе не расколется. Никогда. Этого человека можно убить, но никогда не сломать." Он с новым уважением посмотрел на своего телохранителя. Это откровение поразило Карима. Он и не подозревал, что за суровой броней скрывается такая ранимая, почти романтическая натура. Он всегда считал Элмана просто идеальным инструментом — молчаливым, надежным, безэмоциональным. А оказалось, внутри — свой, отдельный ад и своя, никому неведомая тоска.

— Вздор, — отмахнулся Карим, но уже более мягко. — Женщинам нужна не показуха, а надежность. Ты как раз такой. Кто не рискует, тот не выигрывает, Элман.

-От души, шеф. -Эти слова были высшим расположением, которое только мог произнести суровый Бакинский. Карим положил руку ему на плечо. Тот не отстранился. — Держись, братан. Мы еще повоюем. И насчет Ирки... подумай. Не оставляй все как есть.

Бакинский молча кивнул. В его обычно пустых глазах на мгновение мелькнула сложная смесь боли, благодарности и

какой-то новой, слабой надежды. В этой тихой комнате, полной невысказанного, они были больше, чем начальник и телохранитель. Они были двумя одинокими волками, загнанными в угол собственной судьбой, и в этой тишине они нашли друг в друге опору.

Мерседес свернул на трассу, унося их обратно в Шелгинск. Двое матёрых волков везли с собой свой опасный эксперимент. А позади них, в грязной кабине ЗИЛа, их эксперимент — Григорий Ракитин — без оглядки мчался вперёд, торопясь до закрытия магазина с турецкими шмотками, и чувствуя, как в его жизни появилась первая за долгие годы надежда. Страшная, как первый прыжок с парашютом, фантастическая как выход человека в открытый космос, но надежда.

1.6. Итальянские туфли из Румынии

Дверь мерседеса закрылась с глухим, бархатным звуком, и машина плавно уехала, отсекая Гришу от мира Карима. Он стоял на грязном асфальте у ларька, словно парализованный. В ушах гудело, в висках стучало. Предложение, которое он только что принял, висело в воздухе тяжёлым, неосязаемым грузом. «Ты станешь главным. Формально. Деньги, власть, уважение...» Слова крутились в голове, смешиваясь с воспоминаниями о тюремной камере, унижительных допросах, пьяных криках в коммуналке.

Он машинально полез в карман замызганной фуфайки и нащупал пачку. Не привычную пачку «Красного ЛМ», а перетянутую банковской бумажкой пачку денег. Он достал ее и развернул. Десятитысячные, "чирики". Он медленно, почти ритуально, пересчитал их. 50 штук. Почти триста долларов. Целое состояние. На эти деньги он мог бы полгода платить за свою конуру, есть нормальную еду и даже купить себе новые штаны.

И в этот момент его сознание, затуманенное шоком, пронзила простая, как удар ножа, мысль: «Умирать — так при деньгах».

Решение пришло мгновенно и было безоговорочным. Он

развернулся и направился к своему ЗИЛу. Забравшись в кабину, он резко захлопнул дверь, и дернул ключ зажигания. Завыл давно требующий замены стартер, спустя время, как завшееся парню вечностью, мотор забулькал на холостых, как ворчливый старик, пробуждающийся от послеобеденного сна. «На колесах всяко сподручнее, чем пешком, — с циничной усмешкой подумал он, вгоняя с хрустом вторую передачу. — Хоть и грузовая, но все же машина».

Он поехал не на базу, а почти в самый центр, на самую границу его мира - дальше которой движение грузовых машин было запрещено - к единственному известному ему магазину, работающему допоздна, глянув на приклеенный к железной “торпедой” домашний будильник на батарейках, он с удовлетворением для себя отметил, что времени ещё было часа полтора, а то и два.

Там его встретила молодая продавщица. Увидев его заляпанную мазутом фуфайку и выгоревшие на коленях портки, она брезгливо сморщилась.

— Красавица, переодень меня по высшему разряду — весело улыбаясь сказал Гриша, доставая пачку денег.

Ее глаза округлились. Он, ловя на себе ее взгляд, с деланной небрежностью бросил:

— На северах заработал. Вахтовал.

— Правда? — в голосе девушки послышалось неподдельное любопытство. — А моего отца не возьмете? Он водила, на хлебовозке гоняет, копейки платят...

— Почему нет? — Гриша выдал то, что он считал обаятельной улыбкой. — Главное — упорство и вера в себя.

Он стрельнул у нее телефончик и, чувствуя прилив наглости, поинтересовался планами на вечер.

Следующим пунктом был прилавок с кожаными куртками. Продавец, пожилой турок по имени Фахри, с усталыми глазами, равнодушно наблюдал за ним.

— Мне кожанку. Как у того... на меху, — Гриша жестом попытался изобразить пальто Карима.

— Извини, брат, такое быстро покупают. У меня привоз из Турции будет через месяц. Заходи тогда, дорогой.

Фиаско. Вместо этого он примерил и купил кожаный танкер до середины бедра. Куртка была слегка великовата "Зато на теплый свитер наденешь, дорогой, совсем не замёрзнешь!", но в зеркале уже угадывались очертания другого человека.

Финальным штрихом стал парикмахерский салон. Гри-

ша тыкнул пальцем в потрепанный журнал с Ван Даммом в «Кровавом спорте».

— Сделай вот так.

Когда парикмахер закончил, Гриша не узнал себя. Из зеркала на него смотрел жесткий, собранный мужчина с аккуратным ежиком волос и холодным взглядом.

Вернувшись спустя час в свою комнату в коммуналке, он чувствовал себя английским лордом, случайно оказавшимся в индийских трущобах. На нем были турецкие джинсы, узконосые "итальянские" туфли, сделанные в Румынии, индийский свитер, вельветовая рубаша, новый кожаный френч. Он с удовольствием разглядывал свое отражение в потрепанном зеркале. От Гриши Ракитина остались лишь мелочи — носки с трусами. И часы. Не та подделка, что едва не подставила его под увольнение утром. Настоящие. Личные.

Он взял их в руки. Те самые часы, которые он когда-то, будучи пронырливым пацаном, нашел в мамином комоде. Они были нитью, связывающей его с той самой судьбой, от которой он бежал и в которую теперь шагнул сознательно.

«К чёрту всё прошлое! — с внезапной яростью подумал он, с силой затягивая ремешок на запястье. — Сейчас — время будущего. И я его вершу своими собственными руками».

В зеркале на него смотрел уже не Гриша. Смотрел незнакомый, стильный молодой человек с волевым подбородком.

Хищник, вставший на тропу.

Вся его прежняя жизнь уместилась в убогий вещмешок армейского образца, с которым прошлым летом он вышел из ворот по адресу Новослободская 45. Окинув взглядом свою каморку — голые стены, продавленная кровать, ржавое пятно на потолке. Ничего, что стоило бы брать с собой. Ничего, что стоило бы помнить.

Он вышел в коридор и направился к кухне, откуда доносился гомон и звон рюмок. На пороге он столкнулся с тетей Надей. Хозяйка квартиры, неся тарелку с картошкой, наткнулась на него и отшатнулась, растерянно хлопая глазами.

— Мужчина, а вы к кому? — вырвалось у нее, и лишь через секунду в ее взгляде мелькнуло запоздалое узнавание. — Гришка?! Ты это?! Да как ты?..

Он стоял перед ней в новой кожаной куртке и темных джинсах, пахнувший не потом и унынием, а хорошим дезодорантом и верой в собственное достоинство. Григорий ухмыльнулся, чувствуя, как новая кожа куртки приятно поскрипывает на плечах.

— Короче, мать, — начал он, растягивая слова и наслаждаясь ее замешательством. — Спасибо тебе за жильё, за бытие, за тепло... — он иронично оглядел заплесневелые углы, — ...телевизор, хавчик. Но дальше я как-то без тебя. На,

тут тебе, короче, за меня.

Он протянул ей плотный сверток банкнот. Сумма там была такая, за которую можно было снять на два месяца приличную квартиру, а не эту конуру с вечными скандалами и не греющей батареей. Тетя Надя опешила, тыча пальцем в пачку.

— Гришка, ты чё, в «Спортлото» выиграл? Али наследство получил?

— Теть Надь, — с напускной умудренностью бросил он, уже поворачиваясь к выходу. — Когда дают — надо брать. Когда быют — надо бежать.

У самой двери его догнал сосед-алкаш Тимоха, вечный, как плесень в углу.

— Гришанька, здорова! Дай на опохмел герою Магадана!

Тимоха всегда раздражал его своим вечным нытьем, но Григорий обычно отмахивался шуткой: «Бог подаст, родной». Сегодня, пьяный от собственного преображения, он решил проявить великодушие. Он достал из пачки хрустящую новенькую «десятку» и протянул ее. И тут же пожалел об этом.

— ООО! — взвыл Тимоха, закатив глаза. — Так ты, никак, куш сорвал! Гришанька, надо отметить! Давай щас Вальку отправим за синькой!

— Тимоха, у меня дела, иди своей дорогой, мне ехать надо, я спешу. — попытался отрезать Григорий, вырывая руку из цепких пальцев алкаша, и взялся за ручку двери.

— Тебе чё, запахло со мной выпить, козел?! — голос соседа стал визгливым от обиды. — А может, ты ссучился за бабки?! Да знаешь, что я с такими на лагере делал?!

Пьяный бред оскорбления достиг его сознания. Григорий резко развернулся. Он бы не стерпел такого и будучи водилой ЗИЛа, а уж в своем новом обличи — тем более. Тимоха попытался ударить его, но Григорий, помня уроки рукопашного боя, ловко блокировал удар, схватил его за грудки и с размаху вышвырнул на лестничную клетку. Тот грузно рухнул на ступеньки.

Из квартиры с визгом выбежала его жена, такая же опустившаяся пьянь.

— А ну не тронь мово Тимоху, ты гнида! — закричала она и на ходу, с привычной ловкостью, разбила пустую бутылку о косяк, превратив ее в «розочку» — страшное оружие маргиналов, унесшее не одну сотню жизней в пьяных

разборках. Но она не успела даже замахнуться. Григорий, не целясь, отвесил ей короткую, мощную оплеуху. Пьяница отлетела в сторону и ударилась спиной о старый, помятый холодильник, стоявший в коридоре.

Он вышел из подъезда, не оглядываясь. Где-то в глубине души шевельнулось что-то похожее на стыд, но он тут же задавил это чувство. «Слабых бьют. Богатых разводят. Люди уважают только силу. Пора привыкать».

Подходя к машине, Гриша залез в будку ЗИЛа, и достав из ящика пива пару темных "чебурашек" балтики, жадно отпил из одной. Горьковатый хмель ударил в голову парня, ничего не евшего целый день, громко рыгнув он вылез из будки, отряхивая руки. И тогда он совершил то, что еще вчера считал немыслимым табу — сел за руль выпившим. Мотор завелся с первого раза, недовольно забулькав, и он поехал, чувствуя, как старые запреты и условности остаются в пыли за его спиной.

На автобазе завгар, увидев его, уже начал заученную тираду, но Григорий, не дав тому договорить, бросил на обшарпанный стол две хрустящие десятки и ключи от ЗИЛа.

— Я там еще ящик пивка подрезал, не обессудь, родной. Если чё — приезжай в Шелгинск. Встретим как своего.

Он развернулся и ушел, оставив завгара с открытым ртом, разглядывающего новенькие хрустящие купюры. Аркадий

Северный в его магнитофоне словно в насмешку исполнял, как "по тундре, по железной дороге, мчится скорый Воркута-Ленинград".

Ближе к ночи его разум, уже изрядно затуманенный алкоголем, суетливо пытался вспомнить, куда же так стремится душа человека, у которого вдруг появились деньги. Он взял такси и поехал на Старый Арбат. Бродил среди вечно снующих туристов и торговцев, продающих иностранцам советские фуражки и офицерские ремни. Слушал гитаристов у стены Цоя, смотрел на ряженных Ленина и Сталина. В памяти всплыло детское воспоминание: вот он, маленький, держит маму за руку, и Арбат кажется ему таким чистым, упорядоченным и безопасным. Теперь все было иначе — пестро, шумно и чуждо.

Не найдя ничего для себя в этих показных местах, он на такси вернулся в свой район, в ту самую шашлычную, где ещё с утра мог позволить себе лишь чебурек. Теперь он был здесь королем. Он кутил так, как никогда в жизни, заказывая все подряд и угощая редких в четверг посетителей. Громко играла музыка, сиплый обольститель Кай Метов перечислял все известные позиции и просил сделать ему приятно, солистка "Миража" вопрошала о своем новом герое. К Григорию тут же прилипли две девушки с кричащим макияжем. Местные шпанята, завидев такого щедрого «фраера», начали было перешептываться и поглядывать через витрину с насквозь проглядывающей алчностью.

Самый старший из них, долговязый и не по годам сиплый пацан лет семнадцати, остудил их пыл:

— Не братва, это не просто левый кекс. Мозги врубите — прикид в натуре четкий, бабла дохуя, про какие-то севера чешет — полюбасу бригадный, только откинувшийся с зоны. А прикиньте, чё с нами бригадные сделают, если мы его вставим?

— А чё ж он тогда один бухает, без братвы? — огрызнулся самый юный.

— Слышь, ты, если пиздодельный такой, пойдя да поинтересуйся сам!

Малолетка, подначитый друзьями, решительно подошел к столу Григория. Тот смотрел на него свысока, с легкой усмешкой.

— Садись, — бросил Григорий и налил ему рюмку водки. — Пей.

Пацан, стараясь не ударить в грязь лицом, залпом опрокинул рюмку. Григорий шлепнул его по руке, потянувшейся за закуской.

— После первой — не закусывают. Чё, “Судьбу человека” не смотрел, что ли? Пей еще.

Рюмку наполнили снова. Лицо шкета позеленело, но он, давась, выпил и вторую. Григорий кивнул:

— Вот теперь можно. Чё хотел?

Малолетка, плывя в мыслях, подцепив грязными пальцами с тарелки кусок колбасы, смог выдавить единственный, как ему казалось, уместный вопрос:

— А ты че, в тюрьме был?

— Ну был. А ты с какой целью интересуешься?

— А... ну нормально.

Пацан, довольный, что установил контакт, удалился к своим, прихватив с позволения Григория бутылку “Пшеничной” с его стола.

— Нормальный пацан, — доложил он приятелям. — С понятиями.

Дальше Григорий помнил смутно. Пышногрудая девка в короткой юбке, ее липкие поцелуи, поездка на такси в незнакомый дом, запах дешевых духов и пыли. Григорий Ракитин

окончательно остался в прошлом. Теперь был только наследник Дяди Вани.

1.7. Вокзальный беляш

“Наследник Дяди Вани” проснулся от того, что в голову что-то очень неудобно давило, ощутив себя спящим без подушки на жёсткой тахте. Сначала открыл один глаз, потом второй. Потолок был низким, давно не мытым, с осыпавшейся побелкой и свищающими по углам комьями старой паутины. Он лежал на спине, и первое, что он осознал — это дикая, пульсирующая боль в висках и тошнотный ком в горле. Он с трудом повернул голову.

Рядом, уткнувшись носом в его плечо, посапывала девушка. Коротконогая, с растрепанными волосами цвета лежало на солнце сена, темный родничок волос естественно-цвета указывал на то, что блондинкой она стала совсем недавно, поддавшись моде. Гриша с удивлением разглядывал ее профиль. «Мда... Вчера она казалась мне гораздо симпатичнее. И грудь... Да и грудь... Грудь у нее разного размера! Одна большая, вторая маленькая! Вот так краля!”, — с горькой усмешкой подумал он.

Обрывки вчерашнего вечера всплывали в памяти, как куски ржавого железа со дна. Он смутно припоминал, как заползал, а не прыгал, в воняющую бензином и пылью «Волгу»-такси. Он был в том самом, «нерабочем» состоянии, когда главным героизмом для мужика становится не покорение женщин, а банальная способность доползти до любой гори-

зонтальной поверхности и провалиться в беспамятное блаженство пьяного сна.

Печка в такси была выкручена на максимум, и ее смрадный, обжигающий жар смешивался с перегаром и духотой. Лица пассажиров и без того пылали. Водила, тот еще наездник, лихо кидал машину по ухабам. И на очередном лихом выраже, не предупредив, закурил какую-то дешевую, вонючую сигарету. Для Гриши это стало последней каплей. Его замутило. Он нечленораздельно, сквозь спазмы, потребовал остановиться, судорожно открыл дверь, высунул голову в проем и вывернул на покрытую ночным инеем мостовую все содержимое своего нутра. Дальше — провал.

Осторожно, чтобы не разбудить соседку, Гриша начал одеваться. Джинсы, рубаха, свитер. Девушка сквозь сон что-то недовольно пробормотала.

— Слышь, родная... — Григорий забыл ее имя, хотя, скорее всего, даже и не стремился его запомнить. — У нас было чё-то ночью?

Та издала неопределенный звук, нечто среднее между «Угу» и «Хм». Григорий расценил это как утвердительный ответ и с облегчением махнул рукой. Он потянулся и начал разминать затекшую левую руку. Он спал, не снимая часов.

Это была не та дешёвая китайская подделка, из-за которой он вчера проспал на автобазу. Те часы он оставил в ком-

муналке, как недостойный реликт позорного прошлого. На его запястье теперь красовались солидные, тяжелые часы. Корпус был слегка потёрт, стекло — в мелких царапинах, но они всё так же верно отсчитывали время. Гриша с трепетом перевернул их ещё вчера вечером в своей коммуналке, и его сердце сжалось от странного чувства. На задней крышке была выгравирована надпись: «В от К». Ване от Карима. Эти часы когда-то носил его отец. Он стащил их из комода матери, ещё будучи проворным юным сорванцом, и полноправно носить начал, лишь поступив в школу милиции, как тайный символ связи с незнакомым отцом, с той другой, мужской жизнью.

Сейчас они были молчаливым укором. «Вот оно, твоё наследие, Григорий Иванович. Невиллы на Канарских островах и миллионы условных единиц на швейцарском счете, а потёртые часы и путь от курсанта до зэка».

Он вспомнил, как чуть не потерял их навсегда. Во время учебы в школе милиции, когда их роту отправили в баню. В казарменном положении, мало отличавшемся от армейского, воровство было обыденностью. Постоянно исчезали мелкие бытовые предметы - хлястики от шинелей, пуговицы, ручки и полотенца. Но украсть деньги или часы — это был поступок из ряда вон, настоящее "западно".

Григорий обнаружил пропажу сразу. На перекуре после бани было решено не бежать жаловаться к старшине, а организовать поиски своими силами. Обыск тумбочек ничего не

дал. И тогда Грише в голову пришла идея — проверить карманы шинелей, висевших в коридоре в ожидании перехода на зимнюю форму.

Часы нашли в кармане шинели курсанта Козмеренко, дородного парня родом с Западной Украины, с вечно выпученными, удивленными глазами. Он отслужил до этого в конвойных войсках где-то в Подмосковье и решил легализоваться в столице.

Судьба вора была предрешена. Жестокое избиение и рапорт «по собственному» — стандартный исход. Вечером после отбоя вся учебная рота собралась в сушилке, Руслана Козмеренко сбили с ног. Он не отпирался, молча снося унижительные оскорбления, готовый принять свою участь. Ребята уже занесли тяжелые сапоги, когда Григорий неожиданно для всех встал над ним, преградив путь.

— Стойте мужики. Зачем ты это сделал, Руслан? Почему именно мои часы, в роте ведь есть и покруче - и "Спутник", и "Командирские"? — спросил он, глядя на лежащего парня.

Козмеренко, потупив взгляд в грязный пол, пробормотал, сбиваясь на малороссийский говор:

— Мужики я устав так жить... Я всегда самый бедный между всех... Мени никто никогда ни одной посылки из села не прислав, вечно смеются, говорят хохол и без сала, а тут

ещё и мамка моя....— голос его дрогнул. — Почки отказу-
ють, застудыла в поли... На лекарства грошей нема. Батько
бухае, она одна родню тянэ... Побачив часы з иностранны-
ми буквами, думав, фирмА, за далАри купылы... Хотел хоть
трохи грошей додому послать...

Григорий смотрел на него и вдруг подумал о своей матери,
об отце-призраке. О том, как она одна тянула его, и о том,
как ему самому бывало порой стыдно за свою бедность.

— Оставьте его, парни, — тихо, но твердо сказал он со-
служивцам.

Потом, опустившись на корточки, стал расспрашивать
Руслана, чем именно лечится его мать, записывая названия
лекарств. В столице СССР, шансов найти их было куда боль-
ше, чем в глухом колхозе на западной Украине.

Сокурсники поначалу не поняли это великодушие. Но
Григорий, невзирая на их смешки, настоял на своем. Вскоре
вся рота, проникшись бедой Козмеренко, стала скидываться
и покупать лекарства.

На втором курсе мать Руслана, несмотря на все усилия,
умерла от острой почечной недостаточности. Убитый горем
парень подал рапорт на увольнение: «Мени треба все хозяй-
ство на себе тянуть, мужики».

Он подошел к Грише и попросил расписать, кто сколь-

ко денег потратил, чтобы вернуть долг. Григорий посмотрел на него строго, по-отцовски, несмотря на то, что Руслан был старше его почти на 4 года:

— Ты, Руслан, хуйней не страдай. Хозяйство твое и без тебя родня потянет. А вот в Москве закрепиться — второго шанса у тебя не будет. А насчёт денег... — он сузил глаза. — Если не хочешь с нами по-настоящему поругаться, то не поднимай эту тему. Никогда. Парни что могли, то сделали. И я считаю, в такой ситуации так поступил бы каждый, кто считает себя мужиком.

Эти воспоминания вдруг полоснули его по сердцу бритвой: он смог тогда, шесть лет назад, найти смелость простить вора, и всего спустя два года не смог найти слов для своей любимой женщины, носящей под сердцем их ребенка.

Стоя сейчас в незнакомой квартире, Гриша поправил ремешок своей "фирмы, купленной за далари". Где Руслан теперь? Где сейчас все те ребята? Скорей всего успешные опытные опера, следователи. Возможно уже капитаны или майоры. А он?

Сознание возвращалось к Григорию медленно и нехотя, пробиваясь сквозь свинцовую пелену похмелья. Он стоял посреди незнакомой комнаты. Сквозь грязное окно лился тусклый утренний свет, и он отодвинул истлевшую занавеску, провел пальцем по пыльному стеклу, оставив чистую по-

лосу.

А он...

Вчерашняя иллюзия величия, замешанная на деньгах, водке и дешевом внимании, рассыпалась в прах, обнажив жалкую реальность. Он, Григорий Ракитин, бывший сержант милиции, зэк, а нынче — никто. Но тут же, как укол адреналина, в мозгу вспыхнула новая мысль, жгучая и спасительная: «А он начинает новую жизнь! Там, в Шелгинске, он станет хозяином этой жизни! Он переиграет всех!»

Он взглянул на часы. Начало девятого.

— ШЕЛГИНСК!

Мысль обожгла, заставив сердце бешено заколотиться. Вспомнились слова Карима: электрички ходят три-четыре раза в день. Утренняя — в 09:09 с Ярославского вокзала. Следующая — только после обеда. Опоздать — значит показать себя ненадежным сопляком в первый же день.

Надо рвать когти.

Он тряхнул заспанную фигуру на кровати.

— Слышь, родная, а мы где вообще?

— Метро Нахимово... — пробубнила она в подушку, и ее вчерашний образ «роковой красавицы» мгновенно испарился, превратившись в образ сонной, неопрятной бабищи, лежащей на засаленной постели.

— Где блять?! Нахимово?! — голос Григория сорвался на крик, который больно отдался в его собственной раскаленной голове. — Может, Нахимовский проспект?!

— Ну, может, и проспект, чё доебался как пьяный до радио? Чё орёшь с утра пораньше, дай поспать!

В этот момент он испытал острый, почти физический приступ раздражения и брезгливости ко всей этой ситуации, к этой грязной квартире, к этой колхозной клуше, не знающей даже названия района, в котором живет. Он стал натягивать штаны, лихорадочно проверяя карманы. Остатки вчерашнего «богатства» — тысяча сто рублей разными рванными купюрами. Вчера их было намного больше. Сегодня он понял, что этих денег не хватит даже на пачку приличных сигарет. За один вечер он спустил в никуда свою полугодовую зарплату.

Кстати, о сигаретах. С облегчением он нашел в кармане куртки полупустую пачку «Красного ЛМ». Одна палочка-выручалочка сейчас его спасет. Он закурил, делая первую затяжку прямо в квартире, и, не прощаясь, вышел, хлопнув дверью. Вещмешок с бельем и носками остался на память вчерашней спутнице.

Мысль о такси даже не возникала. Автобусы в утренних пробках не успели бы за сорок минут. Оставалось только метро. Ад.

Он рванул, ощущая себя не «хозяином жизни», а загнанной лошастью. Давился в давке в забитых вагонах, впитывая в себя запах дешевых дезодорантов, грязных тел, тошнотворный смрад пота и перегара, который смешивался с его собственным. После пересадки он выскочил на Комсомольской и, запыхавшийся, уставился на табло с расписанием.

Москва Ярославская - Шелгинск. 09:09. Платформа 14.

До отправления — 6 минут.

Шесть минут благословенного времени! Можно выдохнуть. Он купил в ларьке картонный стаканчик кофе «три в одном» — сладкой, липкой жижи, которая должна была заменить ему завтрак, и прислонился к колонне, делая первую затяжку.

И тут мимо прошла бабуля с лотком. От нее тянуло густым, тошнотворным духом беляшей, жаренных на прогорклом, многоразовом масле. Смесь запаха старого жира и сырого теста ударила Григорию в ноздри, и его желудок, и без того перевернутый с похмелья, сжался в тугой, болезненный узел. Его бросило в жар, по телу проступил холодный пот. Он с силой оттолкнулся от колонны и расстегивая кожанку, сделал несколько глотков воздуха, отшатнувшись от бабули, как черт от ладана. Пытаясь глазами найти свою платформу, он увидел грузного мужика средних лет в плаще, с каким-то

зверским аппетитом откусывающего знатный кусок от вонючего беляша, и с наслаждением жующего, словно это была его первая пища за много лет голодовки. Парень совершил невероятный триумф воли, что бы сдержать рвотные позывы. Мимо ноги пробежала огромная крыса.

На перроне стояла маленькая, всего из четырех замызганных вагонов, электричка. Выглядающая так же уныло, как и все утро. Григорий ввалился в последний вагон и в тут же вышел - смрад там стоял нечеловеческий, непереносимый, казалось, осязаемый. Даже человек, прошедший через тюрьму и коммуналки не мог выдержать амбре, которое ощущалось жидким и обволакивающим - дверь в туалет была сорвана с петель и валялась на полу, что и было источником зловония. Он спешно доковылял до следующего вагона, и грузно опустился на сиденье.

Дверь с шипением закрылась. Поезд тронулся. Пути назад не было. Только вперед. В новую жизнь, которая начиналась с похмелья, пустого кармана и тошнотворного привкуса во рту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.